

ЛОМАТЬ КОМЕДИЮ НЕ ПОЛЕ ПЕРЕИТИ

СОВ. МОЛОДЕЖЬ - Иркутск - 1993. - 4 февр.

Человечество бы умерло от горя, если бы не научилось относиться к трудностям, подстерегающим его на каждом шагу, с юмором, с улыбкой, со спасительной способностью посмеяться над самим собой. А если эта способность еще и возведена в степень искусства, то становится ясно, что сатирики, юмористы, комедиографы — это просто санитары общества, без них нам всем пришлось бы плохо и невыносимо скучно жить.

И насколько обеднел бы наш кинематограф, не оказавшись в нем такого режиссера, как Леонид Гайдай. Представляете, мы никогда не увидели бы «Кавказской пленницы», невезучего очкарика Шурика из «Операции «Ы!», «Бриллиантовой руки»... и еще дюжины комедий, заставивших от смеха держаться за животы миллионы зрителей.

Наверное, семьдесят лет назад музыка комедии благосклонно улыбнулась ему, ибо ровно семь десятков лет назад, 30 января, и родился наш знаменитый земляк — кинорежиссер, мастер трюка на экране, маэстро смеха, повелитель веселья, творец масок и «парадоксов друг»...

В Иркутске, в предместье Глазково, и по сей день стоит деревянный родительский дом с пристроен, где живет сестра; и старший брат его — тоже иркутянин, и потому предвзлюбительные набегу журналистов пришлось выдерживать ему, Александру Иовичу Гайдаю, поскольку до Леонида далеко — в Москве живет, а оставить без внимания такую дату такого человека тоже ну никак нельзя...

Перебирая фотографии из семейного архива, просматривая старые и не очень старые газеты с публикациями о фильмах, с рецензиями и интервью, я не могла не спросить Александра Иовича: с чего же все это началось? С детства мечтал снимать кино? Или — сниматься в кино?

— Не все так прямолинейно, и все же... Мы с ним разными росли. Он был озорной мальчишка, любил риск, при других обстоятельствах мог и к шпане шатнуться. О кино не могу сказать, но театр его привлекал с юности. Еще в школе он начал играть в драмкружке, и в быту, в семье любил разыгрываться. И все же нельзя сказать, что в жизни он только и делал, что рассыпал вокруг себя шутки и остроты. Нет, он бывает и серьез-

ным, и усталым, и просто сдержанным — особенно, когда уже начал работать, — выкладывается на съемочной площадке.

...А биография начиналась классически. Он с отцом сажал возле дома тополя в честь окончания школы, когда объявили, что началась война. Это о его поколении пели песни и сочиняли киносценарии: выпускной бал — военкомат, со школьного порога — на фронт. Леонид Гайдай тоже пришел в военкомат, но дали небольшую отсрочку (успел несколько месяцев поработать в театре рабочим сцены), а потом все же мобилизовали, сначала на восток, потом на запад. И вот Калининский фронт, разведка, первая медаль, первое ранение, госпиталь... Через два года война сделала его инвалидом, снабдила костылем и отправила домой. Повезло, наверное.

Дома стали гадать, куда поступать учиться. Как фронтовик он мог выбрать все, что душа пожелает, двери любого института были перед ним широко распахнуты. А душа пожелала не в вуз, а в театральную студию. И пришел Леонид Гайдай в тот же театр, где до войны поднимал занавес. Директор сначала не хотел его брать, а потом посмотрелся и спрашивает: а ты не брат ли того Гайдая? (Старший Александр, математик, успел к тому времени стать известным — печатал в газетах стихи). Из-за брата его и взяли.

Зато потом, спустя годы, ситуация повторилась в другом варианте: Александр Иович, уже корреспондент ТАСС, приехал в сочинский пансионат, и ему все не находилось приличного номера, пока дежурная не шепнула администратору: это же брат того Гайдая! Который кино снимает!

Да, как режиссер Леонид Гайдай довольно быстро приобрел известность, и не только в своей стране. Между прочим, один из первых его фильмов «Пес Барбос и необычный кросс» получил почетные дипломы на Лондонском кинофестивале лучших фильмов 1961 года и на международном кинофестивале в Сан-Франциско. А на втором международном кинофестивале короткометражных фильмов в Кракове новелле «Наваждение» (из его фильма «Операция «Ы!» и другие приключения Шурика») был присужден один из самых престижных призов — «Серебряный дракон».

Вот что пишет в своей книге «Почти серьезно» Юрий Никулин: «Гастролируя в одной из зарубежных стран, мы попали на прием в советское посольство. По-

сле приема посол, взяв меня под руку, привел к себе в кабинет.

— Сейчас что-то покажу, — сказал он, открыл сейф и вытащил оттуда коробку с пленкой.

Я решил, что мне покажут особо интересную хронику.

— Это ваш «Пес Барбос», — говорит посол. — Держу его в сейфе, чтобы подольше сохранился. По праздникам мы смотрим его всем посольством. А главное, «Пса Барбоса» мы показываем иностранцам перед началом деловых переговоров. Они хохочут, и после этого с ними легче договориться.

Правда, до «Пса» у Гайдая была еще одна комедия, самая первая — «Жених с того света». И поскольку речь в ней шла о махровой бюрократии, фильм вышел на экраны искромсанным, и сколько он потерял! До официального просмотра эфир был блестящий, смешной, острый фильм, а после «вырезки» стал холодным, сухим... Да и за оставшееся «били» не раз.

Но даже шишки набиваются не зря — приходит опыт, умение говорить между строк (или между кадрами?), которое во времена цензуры доводилось до совершенства.

И все же — откуда все пошло, эта тяга о серьезном говорить смешно?

Причуды судьбы, характер, склонности, призвание, наконец... Ведь надо же было в его первые месяцы работы в театре (поднять-опустить декорации, помочь их смонтировать, подать занавес) — надо же было приехать в Иркутск Московскому театру сатиры! И Леня Гайдай пансионат не просто отсмотрел из-за кулис весь привезенный ими репертуар — выучил наизусть тексты пьес, мог подать любую реплику, ну и, конечно, познакомился и даже разговаривал с самим Хенкиным. Как считает Александр Иович, это очень сильно повлияло на брата, определило его будущий путь.

А пять лет игры на театральной сцене, а работа в кино актером? Все, все наложило свой отпечаток. Зато когда после окончания ГИТИСа Иван Пырьев личным распоряжением оставил его на «Мосфильме» (небывалый случай: без связей, без квартиры, без прописки!) — когда Леонид Гайдай приступил к режиссерской работе, он всегда вспоминал свой актерский опыт. «Я пред-

ставляю себя в различных ролях, в разных ситуациях, на месте героев будущего фильма. Веду сам с собой оживленные разговоры... Исполняя какие-то трюки, определяю экранное время. Словом, играю вояку», — говорит Гайдай, отвечая на вопрос корреспондента «Советского кино».

Вообще он много размышляет об актере. Не терпит слова «исполнитель». Для него актер — как раз не исполнитель, а соавтор. Он не лишает его инициативы, а ждет ее. Актер сам должен привнести — свое, неожиданное, новое, — только с таким актером здорово работать.

Таких актеров он нашел. И не просто актеров — целое созвездие комедийных образов создали в его фильмах Юрий Никулин, Георгий Вичин, Евгений Моргунов, Ростислав Плятт, Андрей Миронов, Анатолий Папанов, Юрий Яковлев, Труса, Балбеса и Бывалого вы видели в нескольких фильмах, Миронова — в «Бриллиантовой руке», Яковлева — в картине «Иван Васильевич меняет профессию»... Мы с вами еще не видели последней работы Леонида Гайдая. Его новая, 17-я комедия называется так: «На Дерибасовской хорошая погода, на Байтонбич опять идут дожди». И хотя нет такого закона, что каждая работа обязана быть ником, высшим достижением, и любой художник не застрахован от неудач, — как-то верится, что снова будет интересно, смешно, что будут новые находки — хотя все людские пороки, все наши грехи стары, как мир: один жаден, другой завистлив, третий изменяет и при этом жлет...

А нам — смешно!

Леонид Иович привык работать с первоклассным материалом. Каких авторов он экранизировал? Короленко, Ильфа и Петрова, Булгакова, Зощенко, Гоголя... Как-то не пересеклись творческие пути с Вампиловым, Шукшиным, хотя всегда тянула и тянет его сибирская тема, писатели-сибиряки. Может, в этом есть и закономерность, может, природа юмора у этих авторов иная, их больше интересует психология, характеры, а Гайдай, идя в русле старого кино, продолжает традиции «великого немого», своего кумира Чарли Чаплина... Отсюда его увлечение эксцентрикой, трюками, внешним блеском, от которого сотрясаются зрительные залы кинотеатров. Но отсюда же — и тоска по неосуществленному.

А после каждого фильма, так уж заведено, Леонид Гайдай приезжает в Иркутск. Гостит у брата, в его милой, интеллигентной семье, навещает сестру Августу, бродит по улицам детства в Глазково, копается, если сезон позволяет, в родительском саду, где в три яруса, как когда-то при матери, растут роскошные цветы всех сортов, и ветки деревьев тяжелы то от цвета, то от плодов. И представьте, его еще узнают бывшие соседи, состарившиеся немножко — все-таки годков эдак пятьдесят прошло — но сохранившие в памяти кусочки общей жизни, воспоминания о школе или о юности, что прошла рядом.

А Александр Иович и его жена Лариса Васильевна Гайдаи и сегодня ждут его к себе — пусть и народного артиста, пусть и лауреата, и знаменитость, но для них прежде всего — родного человека.

Любовь С. ХАРЕВСКАЯ.

НА СНИМКАХ: Леонид Гайдай (фото из семейного архива); на съемочной площадке с Георгием Вичиным и Фрунзиком Мкртчяном.

